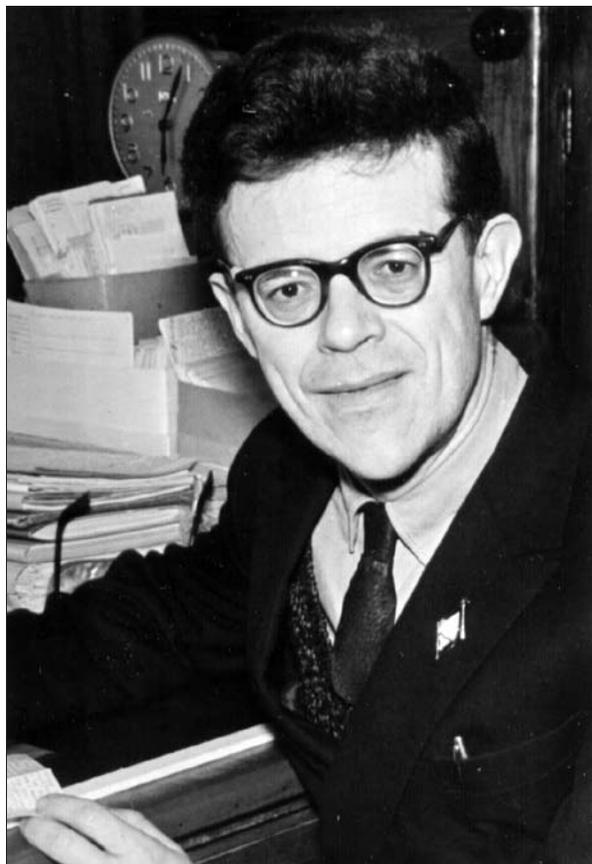

VIII СЫТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

VIII SYTIN READINGS
REGIONAL IDENTITY IN THE HISTORICAL AND
CULTURAL SPACE OF RUSSIA

Сергей Львович Сытин
(1925–2001)

ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ ИМЕНИ Н. М. КАРАМЗИНА»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«РОДИНА В.И. ЛЕНИНА»

**VIII СЫТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ**

**VIII SYTIN READINGS
REGIONAL IDENTITY IN
THE HISTORICAL AND
CULTURAL SPACE OF RUSSIA**

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ ПАМЯТИ ИСТОРИКА С. Л. СЫТИНА
Ульяновск, 25–26 сентября 2014

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE IN HONOUR OF THE HISTORIAN SERGEY SYTIN.
Ulyanovsk., September 25–26, 2014

ЧАСТЬ 1

PART I

Ульяновск
2015

ББК 63.3 (2Рос – 4Уль) – 7
УДК 9 (с 149)
Р 32

Материалы печатаются по решению Учёного совета ОГБУ «НИИ истории и культуры Ульяновской области имени Н. М. Карамзина» и Учёного совета Музея-заповедника «Родина Ленина».

Р32 Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России. VIII Сытинские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой памяти историка С.Л. Сытина. Ульяновск, 25–26 сентября 2014 г. Ч. 1 / ред.-сост. Липатова Н. В. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2015.– 288 с.

ISBN 978-5-94655-275-2

В издании представлена первая часть материалов международной конференции «Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России» (VIII Сытинские чтения). В центре внимания – проблематика идентичности и вопросы её формирования. Исследователи с позиций разных дисциплин, в частности, географии, культурологии, истории, социологии, рассматривают многогранное явление региональной идентичности. Статьи авторов раскрывают пространственный, личностный, конфессиональный, этнический, образовательный, визуальный, ландшафтный, ретроспективный аспекты этого понятия, в том числе и на примере Симбирского–Ульяновского края.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся вопросами региональной идентичности, и адресовано исследователям, преподавателям, краеведам, архивным и музейным работникам, аспирантам и студентам. Отдельные статьи сборника могут быть использованы преподавателями и студентами вузов в рамках курсов истории России, социологии, антропологии, краеведения, регионоведения.

Regional identity in the historical and cultural space of Russia. VIII Sytin readings. Proceedings of the International Scientific and Practical conference in honour of the historian Sergey Sytin. Ulyanovsk, September 25–26, 2014. Part 1. – Ulyanovsk Publisher “Corporation of Promotion”, 2015. – 288 p.

The publication presents the first part of the proceedings of the International conference "Regional identity in the historical and cultural space of Russia" (VIII Sytin readings). In the spotlight are the issues of identity and questions of its formation. Researchers consider multifaceted phenomenon of regional identity from the perspective of different disciplines, such as geography, cultural studies, history, sociology. The authors' articles reveal spatial, personal, religious, ethnic, educational, visual, landscape, retrospective aspects of this concept, including the example of Simbirsk Ulyanovsk region.

The publication is designed for a wide range of readers interested in regional identity and it is addressed to researchers, teachers, local historians, archive and museum specialists, postgraduates, and students. Particular articles in the miscellany can be used by university lecturers and students within the courses of Russian history, sociology, anthropology, local history, and regional studies.

ISBN 978-5-94655-275-2

ББК 63.3 (2Рос – 4Уль) – 7
УДК 9 (с 149)

© Коллектив авторов, 2015.

© ОГБУ НИИ истории и культуры, 2015.

© Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Родина В. И. Ленина», 2015.

© Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2015.

Н. В. Липатова

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЁ РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Региональная идентичность – совокупность наследуемых, стихийно возникающих и целенаправленно создаваемых для определённой территории образов, символов, мифов, представлений. Она включает множество различных вариантов идентичности человека – этническую, конфессиональную, историко-культурную, языковую, политическую, экономическую, территориальную, различные представления о регионе его жителей и соседей и т.п. Без понимания этого многообразия немислимы существование региона как некой целостности и системы связей, выходящих далеко за пределы формальной территориальной привязки или границ, а также консолидация регионального сообщества.

В полиэтничных регионах, таких как Ульяновская область, задача формирования региональной идентичности становится ключевой, поскольку является одним из важных условий гармонизации межэтнических отношений и одновременно стартовым ресурсом для решения социально-экономических, политических и культурных проблем в развитии региона. Сформированная позитивная региональная идентичность может стать мощным идеологическим и психологическим фактором развития региона. Она позволяет сформировать благоприятный социально-психологический климат, консолидировать жителей области вокруг общих задач, обеспечивать политическую стабильность и конкурентоспособность региона.

«Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России» – тема VIII Сытинских чтений, посвящённых памяти учёного и краеведа Сергея Львовича Сытина (1925–2001). Конференция прошла в Ульяновске 25–26 сентября 2014 года в год 30-летия Государственного историко-мемориального заповедника «Родина В. И. Ленина». Тема региональной идентичности выбрана не случайно, ведь её олицетворяет даже сам Музей-заповедник. Родина Ленина – это чёткое закрепление территории. Два постановления¹, республиканское и союзное, вписывают музейный комплекс площадью 174 га в общее пространство страны. Первые Сытинские чтения состоялись 2 октября 2003 года и стала важным событием в научной,

¹ Постановление Совета министров СССР о его создании под № 1032 было подписано 2 октября 1984 года

нал: «Пол в церкви с. Зыкова очень дурен; купол ветхий; в приделе престол колеблется и одежда ветха <...> Литургию совершал священник заштатный в лаптях, онучи пречерные, платье на нем мерзкое, ризы самые ветхие, на лице у попа болезнь гнусная <...> дьячек больной припадком сумасшествия, к должности вовсе не способен»¹.

Разумеется, что после такой оценки саранскому благочинию пришлось туго: руководство не прощало подобного попустительства к делам подведомственного храма. Новый каменный одноглавый храм с колокольной был построен в 1842–1868 годах при финансовой помощи дворян Желтухиных. Главный престол храма был освящен в честь Казанской иконы Божией Матери, а придел – во имя святителя Николая Мирликийского. При храме работала воскресная школа, устроенная А. Д. Желтухиным в 1859 г.², просуществовавшая более 20 лет. Это была самая крупная церковно-приходская школа в Саранском уезде (Зыково, благодаря этой школе, считалось самым грамотным селом в округе). Славились Зыково на всю округу и своими театрализованными постановками. А. Д. Желтухин, будучи страстным театралом, организовал в своем имении театр, в котором играли он сам и его супруга Елизавета Николаевна.

Были на территории мордовского края и другие усадьбы, судить о красоте которых в силу отсутствия материала сегодня крайне сложно. Многие из них были разорены в годы советской власти, а некоторые пришли в упадок еще ранее, после реформы 1861 года, когда усадьба лишилась основной движущей силы – труда крестьян. В целом, дворянские усадьбы мордовского края почти на протяжении двух веков являлись центрами хозяйственной жизни, где были собственные мануфактуры и заводы, развивалась промышленность и сельское хозяйство. Кроме того, многие из них были настоящими «культурными гнездами» края. Здесь вдали от столичной жизни сформировалась изящная и несколько наивная в своей благородной простоте архитектура; сформировались основы местного ландшафтного обустройства территории; были созданы очаровательные произведения живописи и поэзии, развивался домашний театр и салонное музицирование.

¹ Артоболовский А. Пензенские иерархи в селе Зыкове Саранского уезда // ПЕВ. – 1902. – № 16. – С. 690–696.

² Церковь Казанской иконы Божией Матери // Официальный сайт Саранской епархии: <http://sarper.ru/благочиния-и-приходы.html> (дата обращения 4.09.2012).

С. Р. Шигапов
ДВОЙСТВЕННОСТЬ РЕЛИГИОЗНОГО ЛАНДШАФТА
ТОМСКО-ЧУЛЫМСКОЙ ТАЙГИ
(2-я половина XIX – начало XX вв.)¹

Параллельно с процессом крестьянского освоения таежной Сибири на рубеже XIX–XX вв. институтом Русской Православной Церкви осуществлялась трансляция религиозных ценностей путем строительства новых церквей и командирования в эти места священнослужителей. Однако для удовлетворения своих духовных потребностей сибирские крестьяне-переселенцы зачастую обращались также к нелегальным сообществам скитников-староверов, находившихся в непосредственной близости к их населённым пунктам.

Сложившиеся к настоящему времени методики изучения культурного (Русский Север²), и в частности, религиозного (Урал³) ландшафтов территорий России предполагают не только исторический, но и пространственный анализ избранного ареала. Их синтез в отношении районов таежной Сибири может быть также продуктивным, так как дает возможность соотнести географическую локализацию конфессий с природными и социальными условиями региона. Реконструкция религиозного ландшафта нами осуществлялась, во-первых, путем подбора информации о состоянии дел в Томской епархии и данных о количестве староверов по приходам, а во-вторых, с помощью выделения зон с нейтральными и христианскими ойконимами, установления смысловой нагрузки храмовых именовании.

Природные и социальные особенности
томско-чулымского таежного региона

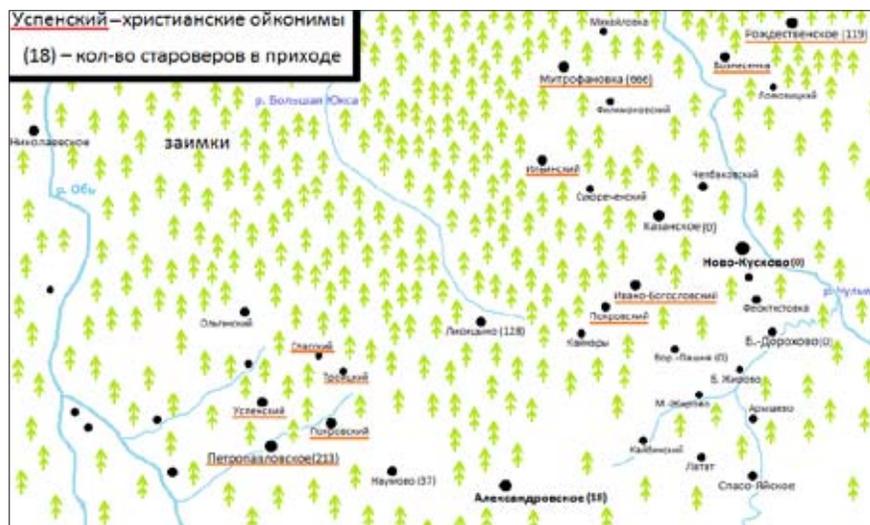
Известно, что предпосылки формирования религиозного ландшафта определенного типа обусловлены географическими особенностями края. Например, в природном облике Урала преобладают водные ресурсы, причудливой формы деревья и скалистые образования, что и способствовало возникновению соответствующих святынь и сакральных объектов⁴. В нашем случае, земли, прилегающие к р. Чулым, покрыты плотным массивом таежных лесов. По сведениям райлесхоза инспекции Ново-Кусковского района, на 1930 г. тай-

¹ Статья написана по материалам исследования, выполненного в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

² Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: Поморские чтения по семиотике культуры [сборник науч. статей]. – Архангельск, 2006. – Вып. 2. – 478 с.

³ Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 18–20 апреля 2010. – Екатеринбург, 2010. – 242 с.; Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2008. – № 4 (21). – С. 76–82.

⁴ Главацкая Е. М. Указ. соч. – С. 79.

га занимала около 63 % его общей территории¹, что само по себе являлось благоприятной средой для образования здесь старообрядческих скитов по сравнению с другими природными зонами. Тайга с самого момента освоения оставалась основным ресурсом района и важной частью крестьянского культурного быта. В этом ключе важно учесть замечание М. Е. Кулешовой, которая охарактеризовала крестьянский ландшафт не столько как сферу трудовой деятельности (в сравнении с сельским индустриальным ландшафтом), но как пространство непосредственной жизнедеятельности крестьян, местом «воспроизводства традиционных культурных практик», в том числе религиозных². Таким образом, существовали чёткие предпосылки того, что контакты крестьян с окрестными староверами в условиях таёжной зоны могли быть весьма устойчивы.

Хотя вряд ли такое положение дел было исключительным. Исследователи применительно ко всем зауральским территориям говорят о том, что православные крестьяне Сибири – в прошлом выходцы из разных губерний Европейской России – зачастую находились под влиянием консолидированных старообрядческих общин, и догматические противоречия сглаживались общностью как национального, так и хозяйственного бытия³. Переходы между конфессиями и смешанные браки отнюдь не были уникальными явлениями. Во многом, как

¹ ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. Р. 802. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.

² Культурный ландшафт как объект наследия: сборник статей РАН, Российский институт культуры и природного наследия им. Д. С. Лихачева / под редакцией Ю. А. Веденина; М. Е. Кулешова. – М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 247.

³ Хирьянова Л. В. Православие и старообрядчество: идентичность культурно-мировоззренческой картины // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 18–20 апреля 2010. – Екатеринбург. – С. 255.

считает профессор М. К. Чуркин, это являлось закономерным итогом глубокой «религиозной синкретичности сознания» сибирских крестьян¹.

Притесняемые светской властью в Центральной России, старообрядцы стали «вынужденными колонистами» Сибири и Дальнего Востока. Их сообщество продемонстрировало возможности хозяйственного освоения пространств без санкции и финансовой поддержки государства, на которую могли рассчитывать крестьяне-никониане на рубеже XIX–XX вв. в рамках переселенческой политики.

Более того, власть и главенствующая Русская Православная Церковь ограничивали деятельность староверов в Сибири законодательно-административными методами². Последняя курировала крестьян посредством функционирования сети храмов, отчего, как подчеркнула исследователь церковной организации Сибири рубежа XIX–XX веков Г. В. Оглезнева, исключительную важность для сохранения ориентации православных христиан в Сибири имела степень удалённости храмов от населённых пунктов всего прихода³. Это было препятствием для регулярного осуществления церковных служб и таинств. Но как можно заметить, на территории рассматриваемых волостей подобная проблема была успешно разрешена – поселки располагались очень компактно, а приходские храмы были доступны всем прихожанам, что редкость для сибирского края.

Другая проблема, также отмечаемая специалистами, заключалась в удалённости духовных образовательных учреждений от мест командирования⁴, что становилось причиной постоянного дефицита квалифицированных священников. Снова отметим важный для наших рассуждений факт: Александровская и Ново-Кусковская волости находились вблизи города Томска, где уже с прошлого века функционировала православная духовная семинария.

Ойконимы томско-чулымского региона

Именование населённых пунктов (ойконимия) традиционно считается отражением мировоззрения населения. Например, В. Н. Калущков так характеризует роль топонимов в процессах формирования культурного облика территории: «...каждый топоним <...> организует всё пространство культурного

¹ Чуркин М. К. Влияние старообрядческой идеологии на религиозное сознание и поведение православных крестьян-переселенцев Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX веков // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX вв.: развитие и взаимодействие. Материалы Всероссийской научной конференции (3–4 февраля 2005 г.). – Иркутск: Анонс, 2005. – С. 200.

² Ильин В. Н. Антистароверческая политика государства в XIX – начале XX вв. (на примере Томской губернии) // Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета: материалы международной конференции 15–17 ноября 2004 года. – Томск, 2005. – С. 124–131.

³ Оглезнева Г. В. Условия деятельности православной церкви в Восточной Сибири во 2-й половине XIX века: региональные особенности // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX вв.: развитие и взаимодействие. Материалы Всероссийской научной конференции (3–4 февраля 2005 г.). – Иркутск: Анонс, 2005. – С. 130.

⁴ Там же. С. 140.

ландшафта, занимая в нем вполне определенную организационную позицию. Таким образом, прямо или косвенно в конкретном культурном ландшафте любой топоним несет в себе организационную функцию»¹. В результате, каждое отдельное именование получает явную смысловую нагрузку и нередко сакральное значение, что делает их анализ инструментом реконструкции социокультурных особенностей сознания местного населения.

Богатый методологический опыт дает в этом случае исследование профессора А. А. Соколовой, специалиста по изучению культурного ландшафта Русского Севера. В работе «Пространственный анализ христианской ойконимии Вологодской области»² ею обозначена ведущая роль топонимики в отражении культурных процессов, имеющих место в регионе на протяжении XVII–XX вв. Христианские названия сел и деревень (в отличие от коренных инородческих) не только насыщают само пространство новой информацией, но и «... отражают процесс христианизации края, развития систем расселения и землепользования. Тогда сами поселения наряду с привычными святынями выступают в качестве сакральных центров, формируют особый каркас региона»³.

Среди почти 50 населённых пунктов Ново-Кусковской волости только 8 имеют христианские названия (Вознесенка, Ильинка, Ивано-Богословка, Митрофановка, Ново-Троица, Ново-Покровка, Рождественка и Успенка). На картосхеме они подчеркнуты красным цветом. Практически все они располагались полосой на границе волости и неосвоенного таежного массива по р. Большая Юкса и в 30–40 верстах к югу от р. Чичкаюл. Поскольку на рубеже XIX–XX вв. основание новых населённых пунктов сначала происходило на старожильческих территориях (см. картосхему: окрестности Ново-Кусково, Больше-Дорохово, Казанского), а уже затем шло на север вдоль р. Чулым⁴, эти поселения с христианскими названиями долгое время оставались границей продвижения в таёжные массивы, находясь «во владении» староверов-скитников и, что немаловажно, составляя одни и те же приходы, территориальные общности по официальному церковному делению. То есть, они не только обладали общей спецификой именования, но и образовывали единые приходы на границе со староверческой зоной активности.

Похожая ситуация наблюдалась и в Александровской волости: прямо вдоль рубежа переселенческого освоения (очерченной комиссией по карте) располагаются 5 поселений с христианскими наименованиями (Петропав-

¹ Культурный ландшафт как объект наследия: сборник статей РАН, Российский институт культуры и природного наследия им. Д. С. Лихачева / под редакцией Ю. А. Веденин; М. Е. Кулешова. – М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 119.

² Соколова А. А. Пространственный анализ христианской ойконимии Вологодской области // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: Поморские чтения по семиотике культуры [сборник науч. статей]. Вып. 2. – Архангельск: Изд. Поморского ун-та, 2006. – С. 129–136.

³ Там же. С. 136.

⁴ Поспелова С. В. Заселение территории Асиновского района в 1895–1917 гг. // Материалы II-х краеведческих чтений «Край родной – Причудымье», посвященных 100-летию г. Асино 21–22 мая 1996 года. – С. 31–35.

ловка, Покровский, Спасский, Троицкий и Успенский), составлявшие единый Петропавловский приход. Более того, даже общее количество поселений в этой волости было как минимум в 3–4 раза меньше, чем в соседней Ново-Кусковской, а перечисленные пункты находились в самой непосредственной близости между собой. Северной границей этого скопления выступает п. Ольгинский – известный центр активности староверов¹, и «по совместительству», крайний северный пункт всей зоны переселенческого освоения.

В рамках анализа местной ойконимии возможно произвести выделение определенных районов ареала, насыщенных христианскими топонимами, как об этом говорит профессор А. А. Соколова: «Схема дифференциации христианской ойконимии отражает деление на сакрально-географические районы»². В нашем случае отчетливо вырисовываются два крупных района активности староверов в данном ареале: Обь-Чулымское (Александровская волость) и Чичкаюло-Улулюльское (Ново-Кусковская волость) междуречья, в географическом смысле окаймляющие упомянутые волости. Логика расположения поселений с христианскими названиями абсолютно точно воспроизводит границы между православными приходами и старообрядческими скитами: Петропавловка, Покровский, Спасский, Троицкий и Успенский, Ивано-Богословка, Ново-Покровка и Ильинка прилегают плотно к таежному массиву р. Б. Юкса, где располагались мужской и женский монастыри староверов белокриницкого согласия; Митрофановка, Успенка, Рождественка и Вознесенка Ново-Кусковской волости явно находились под влиянием староверческих скитов, заимок и деревень междуречья рек Чичкаюл и Улуул.

Таким образом, пространственный анализ позволяет выявить закономерность, по которой поселения с христианскими названиями (подчеркнуты на картосхеме) выступали приграничными по отношению к таежной лесной зоне староверческой жизнедеятельности.

Соотношение конфессиональных групп в приходах

Сопоставление результатов пространственного анализа и приходских сводок Справочной книги Томской епархии открывает еще более ясную картину. Традиционно в этих сводках в епархию передавались сведения о численности прихода, количестве инородцев и староверов.

Уместно учитывать эти показатели сразу по трём хронологическим отрезкам: начало XX века, 1908–1910 гг. и отдельно за 1914 г., что сокращает вероятность погрешности в расчетах и позволяет отметить динамику изменений этого соотношения. Тем не менее, цифры во всех случаях оказались почти идентичными, поэтому при следующем рассмотрении будут использоваться

¹ Шамаро А. Кержацкие тропы // Наука и религия: ежемесячный научно-популярный журнал. – М., 1959. – Вып. 4. – С. 70.

² Соколова А. А. Пространственный анализ христианской ойконимии Вологодской области // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: Поморские чтения по семиотике культуры [сборник науч. статей]. Вып. 2. – Архангельск: Изд. Поморского ун-та, 2006. – С. 135.

средние показатели. Количество староверов в приходах обозначено на картосхеме в скобках рядом с названиями приходских центров.

Картосхема позволяет увидеть корреляции между названиями населённых пунктов и числом живущих в них или в их окрестностях староверов. Во внутренних приходах волости с нейтральными названиями населённых пунктов (см. картосхему: центры Ново-Кусково, Казанка, Вороно-Пашено и Больше-Дорохово) по тем или иным причинам староверов не числилось вообще. В то же самое время географически приближённые к таежным местам приходы, сосредоточившие поселения с христианскими названиями, находились в ином положении: при Рождественском насчитывалось 119 староверов, а при Митрофановском – 666. Похожая ситуация была характерна и для Александровской волости: если при внутреннем Александровском приходе было всего 18 староверов, а при Наумовском – 37, то при Петропавловском приходе, куда входили все вышеперечисленные населённые пункты с христианскими наименованиями, таковых числилось уже 213 человек.

Абсолютные цифры оказываются менее удобными для сопоставления, поэтому стоит перевести их в относительные. В итоге получается, что при Александровском приходе числилось в среднем 228 православных на 1 старовера, в Наумовском – 68 на 1; а вот уже при Рождественском приходе – 18 православных на 1 старовера, при Петропавловском – 16 на 1, при Митрофановском приходе зафиксирован рекордный показатель в соотношении 7 православных на 1 старовера.

Абсолютно точно установлено, что зоны сосредоточения поселков с христианской ойконимией совпали с зонами фактического пребывания и активности представителей местного сообщества староверов. В приходах, где отсутствовали христианские топонимы, либо числилось незначительное число староверов, либо не числилось таковых вообще.

Храмоименование

В продолжение анализа есть смысл обратиться к системе алтарных посвящений. Нельзя не отметить важный сакральный смысл такого именования. Оно представляло собой не просто титульное обозначение, но особое выделение конкретной фигуры среди сотен русских святых как своего покровителя и защитника¹. Эта фигура становилась особым объектом почитания, молитв. На практическом уровне это также имело значение, поскольку день этого святого был главным праздником в году.

Исследования алтарных посвящений не раз проводились на примере культурно-религиозных ландшафтов Урала и Русского Севера. Чаще всего они приводили к выводам о том, что в тех или иных районах именования, как и ойконимы, тесно связывались с процессами колонизации и христианизации имперских окраин. Однако нам удалось убедиться, что в избранном ареале

¹ Бардина П. Е. Быт русских сибиряков Томского края / ред. Н. В. Лукина. – Томск : Изд. Том. ун-та, 1995. – С. 10–11.

эти факторы определялись постоянными взаимодействиями «никонианского» и староверческого сообществ.

Подавляющая часть церквей в Ново-Кусковской и Александровской волостях были возведены в период 1890–1910 гг. Неоспорим факт, подтверждённый алтарными именованиями, что на этой территории еще не сложилась традиция почитания местных святых или мучеников. Переселенцы предпочитали именовать храмы в соответствии с общехристианской традицией в честь апостолов Петра и Павла, архангела Михаила, Николая Чудотворца и пророка Илии¹. Однако оказавшиеся ранее в центре анализа Митрофановский (с рекордным количеством живущих староверов) и Рождественский приходы вызывают в данном отношении большой интерес. Именно там имелись алтарные посвящения в честь св. Митрофана Воронежского, которого русская традиция и историки-биографы² позиционируют как одного из самых ярких борцов со старообрядческим движением в кон. XVII–XVIII вв.

Показательно, что именование в честь Митрофана Воронежского имело место сразу в двух приходских центрах с христианскими ойконимами, которые одновременно находились в непосредственной близости между собой и с таежной зоной староверческой активности.

Жители Митрофановки и Рождественки происходили из разных центральных губерний и, очевидно, в зоне активного староверческого влияния выбрали в покровители личность Митрофана Воронежского не случайно. Вполне понятно, что два приграничных прихода образовали единую религиозно-психологическую общность, поскольку приверженность к почитанию одних и тех же святых объединяла разные территории в гармоничное единство во многих других исследовательских примерах³. В нашем случае речь идет о постулировании верности ортодоксальному православию. Данная аналогия любопытна ещё и потому, что села располагаются по разным берегам р. Чулым и находятся под воздействием разных староверческих центров, как уже говорилось ранее, – п. Митрофановка у массива р. Б. Юкса, где располагались скиты белокрыницких староверов, с. Рождественка близ Чичкаюло-Улулюльского междуречья (около 40 верст до старообрядческих поселений Зимовка и Килинка, находившихся под влиянием староверов часовенного и поморского согласия).

Сочетание ойконима и алтарного посвящения в поселке Митрофановка не что иное как явная ментальная конструкция. Учитывая, что в приходе наблюдалось наибольшее присутствие староверов (7 православных на 1 старовера), можно понять, каким образом крестьянское православное население

¹ Справочная книга по Томской епархии. – Томск, 1914. – С. 548–553

² Торопов А. В. Святой Митрофан Воронежский и старообрядческий раскол // Рождественский сборник: Материалы конференции российская провинция: история, традиции, современность. Вып. 18. – Ковров, 2011.

³ Черняхова И. А. Алтарные посвящения приходских церквей как отражение православного менталитета крестьянина-карела дониконовской эпохи // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 18–20 апреля 2010. – Екатеринбург. – С. 34–47.

в сакральном отношении отделяло себя от влияния противоположной конфессии. Вдобавок, до возведения храма в 1905 г. там уже числилась не менее 3-х лет часовня, основанная не иначе как самими селянами, так как епархия подобную практику не всегда признавала. Хотя, по свидетельству исследователей Камско-Вятского православного ландшафта, именно часовни нередко служили как бы для «огораживания» православными крестьянами своей сакральной территории¹. Описываемая практика демонстрирует, как новопоселенцы «никонианского» вероисповедания были вынуждены погружаться в уже существовавшее на территории томско-чулымской тайги сакральное пространство староверов путем ментального разграничения. Причем, упоминаемые в работе границы никак не претендуют на статус реальных, а не ментальных рубежей, по причине устойчивого экономического и бытового взаимовлияния конфессиональных сообществ.

Учитывая глубокую синкретичность крестьянского мышления, образы святого покровительства, вполне вероятно, были востребованы «никонианским» населением региона, которое могло идентифицировать себя путем символического противопоставления сообществу еретиков-староверов. Понимание сакральной природы личности святого заступника в этой ситуации становилось неотъемлемой частью сельской религиозной жизни. Это безусловно поддерживалось проповедью ортодоксальной православной церкви.

* * *

Проведённый анализ объектов православного ландшафта Александровской и Ново-Кусковской волостей Томской губернии подтвердил обоснованность предположения о том, что культурно-религиозная ориентация крестьян томско-чулымской таежной зоны определялась взаимодействием старообрядческой и православной конфессиональных сообществ (систем). Христианские наименования поселений и их знаковая локализация были важнейшими компонентами религиозного ландшафта взятого ареала.

Показательно, что населённые пункты с христианскими наименованиями непосредственно прилегали к таёжным местам расселения и активной проповеднической деятельности старообрядцев. В насыщенных христианскими ойконимами приходах (по церковным сводкам) наблюдалось наибольшее количество проживавших там староверов, что лишний раз подчеркивает особую смысловую нагрузку такого именованья. Наконец не представляются случайными алтарные посвящения сразу в двух соседних (и в то же время приграничных тайге) селах в честь одного из виднейших русских борцов со старообрядчеством. Все это приводит к выводу о том, что религиозное пространство (ландшафт) крестьянского населения волостей Причулымья складывалось в результате непосредственных взаимодействий старообрядческого и ортодоксального конфессиональных сообществ региона.

¹ Шутова Н. И. Сакральный ландшафт в православных округах Камско-Вятского региона // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 18–20 апреля 2010. – Екатеринбург. – С. 49.

ЛИЧНОСТЬ

И. Л. Зубова (Ульяновск)

ДИНАМИЗМ ОБРАЗА СИМБИРСКА–УЛЬЯНОВСКА В ФОТОРАБОТАХ ЛЕОНИДА ЛАЗАРЕВА

Региональная специфика является одним из факторов, влияющих на творчество в его различных выразительных формах. В сотворенных образах она и воплощается. В нашем случае речь пойдет о фотоискусстве. Известный фотожурналист и фотохудожник Л. Н. Лазарев несколько раз посещал Ульяновск. В его работах Л. Н. Лазарева разных лет нашла выражение идентичность Симбирска–Ульяновска. В качестве основного источника для анализа идентичности Ульяновска используем фотоработы 1958 г. и 1969–70 гг., предоставленные Л. Н. Лазаревым, его воспоминания и творческие идеи, высказанные в личной беседе с автором статьи.

В 1958 г. Л. Н. Лазарев впервые приехал в Ульяновск. Тогда его карьера только начиналась. Накануне поездки в город на Волге молодой человек выполняет задание для газеты «Спутник», выходящей при советском павильоне на международной выставке в Брюсселе, и принимает предложение стать сотрудником солидного центрального журнала «Советская женщина». Его отпускают в Ульяновск навесить родственников – артистов циркового аттракциона «Мотогонки по вертикальной стене», которые находились в городе на гастролях. Лазареву поручают подготовить новый материал для газеты, и при этом дают право снимать по собственному усмотрению. В областной центр он приехал, заряженный интересом и энергией, в состоянии душевного подъёма, отчасти вызванного успешным началом карьеры и радостью от встречи с близкими людьми. К тому, же он очень боялся подвести редакцию с выполнением задания и был готов «свернуть горы», чтобы доказать свою профессиональную пригодность.

В ту пору Ульяновск казался коренному москвичу Лазареву далеким от столицы, провинциальным городом. Своим укладом жизни, застройкой, спокойствием улиц, темпом речи город больше походил на сельскохозяйственный центр, только еще выходящий на орбиту индустриального развития. Действительно, новое промышленное и гражданское строительство, реконструкция, благоустройство и декоративное оформление города осуществлялись тогда постепенно¹. В 1957 г. завершилось строительство Куйбышевской ГЭС и

¹ Цвети, Ульяновск. Наш город родной! // Ульяновская правда. – 1958. – 1 июня. – № 108(10164); – Сделаем Ульяновск красивым и благоустроенным городом! // Ульяновская правда. – 1958. – 14 июня. – № 117(10173).

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Н. В. Липатова. Идентичность и ее региональное измерение</i>	5
ОПЫТ		10
	<i>С. А. Прокопенко. Сопоставление зарубежного и российского опыта конструирования региональной идентичности</i>	10
ПРОСТРАНСТВО		16
	<i>Д. Н. Замятин. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы</i>	16
	<i>Л. В. Смирнягин. Региональная идентичность и вернакулярный район</i>	36
	<i>Д. В. Русин. Вернакулярные районы города Ульяновска (на примере правобережной части)</i>	44
	<i>О. А. Пивцайкина. Усадебная архитектура в региональном ландшафте: памятники дворянской культуры мордовского края конца XVIII – первой половины XIX вв.</i>	48
	<i>С. Р. Шигапов. Двойственность религиозного ландшафта томско-чулымской тайги (2-я половина XIX – начало XX вв.)</i>	59
ЛИЧНОСТЬ		67
	<i>И. Л. Зубова. Динамизм образа Симбирска–Ульяновска в фотоработах Леонида Лазарева</i>	67
	<i>Д. Г. Платцева. Взгляд молодого фотографа на региональную идентичность</i>	78
	<i>А. Н. Дзюкин. Личность Н. М. Карамзина как фактор формирования региональной идентичности ульяновцев</i>	81
	<i>Н. А. Дидковская. Власть в системе авторства культурного текста Ярославля: Мельгунов и Пощенков</i>	84
	<i>О. А. Пивцайкина, С. В. Сульдина. Илья Васильевич Селиванов: хроника уездного города глазами обывателя. Историко-культурные зарисовки г. Саранска XIX в.</i>	89
	<i>Д. С. Щукин. А. И. Пальм – писатель и петрашевец</i>	97
СОВЕТСКОЕ VS ПОСТСОВЕТСКОЕ		108
	<i>М. Ю. Тимофеев. «Советский город»: инструкция по эксплуатации</i>	108
	<i>Н.И. Карбаинов. Советская идентичность в постсоветском Татарстане: массовые исторические представления</i>	114
	<i>Т. Б. Качкина. Ульяновск родина Ленина: от идеологического символа к туристскому бренду (к проблеме идентичности места)</i>	118
РЕТРОСПЕКТИВА		135
	<i>О. В. Русина. Исторические знания как фактор формирования региональной идентичности</i>	135
	<i>Д. Ф. Морозова. Формирование региональной идентичности историками Ульяновска</i>	139
	<i>С. Н. Фокеев. Интернациональные связи Ульяновской области: официальные делегации эпохи ленинского юбилея</i>	142
	<i>Д. И. Лунин. Развитие автоспорта на УАЗе в 1950–2014 гг.</i>	147
	<i>А. В. Шафиров. Крестьянское хозяйство Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX вв. Историкографический обзор</i>	151
	<i>Л. В. Игнатова. От крестьянина к колхознику: трансформация идентичности крестьян на территории Средневолжского края</i>	161
	<i>А. Р. Гапсаламов. Истоки «экономического чуда» отдельного региона (на примере Республики Татарстан)</i>	167
СОВРЕМЕННОСТЬ		173
	<i>Г. П. Сидорова. Ульяновск – культурная столица Поволжья: проблема понимания культуры в контексте идентификации</i>	173
	<i>Л. Ю. Лукичева. Региональная идентичность малого города: социологический анализ</i>	176
	<i>С. Н. Шаповалов. Синергия российско-китайской идентичности в культурно-деловом центре «China World»</i>	182
	<i>Ю. В. Шагунова. Кризис навязанной идентичности</i>	188
НАРОДЫ И РЕЛИГИИ		192
	<i>А. В. Кобзев. Типологизация локальных поселений Симбирской губернии во второй половине XIX–XX вв.</i>	192
	<i>В. В. Галиндабаева. Кряшенская идентичность и конструирование исторической памяти: массовые представления и элитарные версии</i>	197
	<i>Н. А. Шкердина. Этноконфессиональный мир российской провинции первой половины XIX в. (на примере мордовского края)</i>	207
	<i>Д. Ш. Муфтахутдинова. Новая мусульманская идентичность: кто они и кем хотят быть?</i>	215
	<i>Н. А. Шкердина. Православие и сектантство в мордовском крае в первой половине XIX в.</i>	221
	<i>Л. Н. Лютов. Религиозно-нравственная опора сопротивления деревни раскрестьяниванию. Начало 1930 года (Ульяновский округ Средне-Волжской области)</i>	231
ТОЧКА ЗРЕНИЯ		240
	<i>Г. М. Шигабетдинова. Культура рефлексивного партнёрства личности в логике медиативных социокультурных изменений: региональный аспект</i>	240
	<i>Т. А. Парфенова. Формирование региональной идентичности молодежи в образовательном пространстве</i>	244
	<i>Э. Р. Гатиатуллина, А. Ю. Минакова, К. А. Ушакова. Историко-культурные, территориальные, этнокультурные и национальные аспекты исследования региональной идентичности</i>	250
	<i>В. М. Журавлёв. Ускорение истории на примере модели исторического развития России (988–2030)</i>	254
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ		262
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		282

REGIONAL IDENTITY IN CULTURAL SPACE OF RUSSIA.

<i>Lipatova N. V.</i> Identity and its regional dimension.....	5
EXPERIENCE	10
<i>Prokopenko S. A.</i> The comparison of foreign and Russian experiences in construction of regional identity.	10
SPACE	16
<i>Zamyatin D. N.</i> Identity and territory: humanitarian and geographical approaches and discourses.	16
<i>Smirnyagin L. V.</i> Regional identity and vernacular district.	36
<i>Rusin D. V.</i> Vernacular districts of right-bank Ulyanovsk.	44
<i>Pivtzaikina O. A.</i> Country estate architecture in a regional landscape: monuments of noble culture of the Mordovia land at the end of XVIII – the first half of the XIX centuries.	48
<i>Shigapov S. R.</i> Duality of a religious landscape of the Tomsk-Chulym taiga (the 2nd half of the XIX – the beginning of the XX centuries)	59
PERSONALITY	67
<i>Zubova I. L.</i> Dynamism of an image of Simbirsk-Ulyanovsk in L. Lazarev's photoworks.	67
<i>Plattseva D. G.</i> Reflections of a young photographer about regional identity.	78
<i>Dzikun A. N. N. M.</i> Karamzin's personality as a factor of forming a regional identity of Ulyanovsk residents.	81
<i>Didkovskaya N. A.</i> The power in system of cultural code of Yaroslavl: Melgunov & Loshchenkov.	84
<i>Pivtzaikina O. A., Suldina L. V.</i> Ilya Vasilyevich Selivanov: the chronicle of a provincial city as viewed by inhabitants (Historical and cultural sketches of Saransk in the XIX century).	89
<i>Schukin D. S. A. I.</i> Palm – a writer and a follower of M.V. Petrashevsky.	97
SOVIET VS POST-SOVIET	108
<i>Timofeev M. Yu.</i> «The Soviet city»: maintenance manual.	108
<i>Karbainov N. I.</i> Soviet identity in Post-Soviet Tatarstan: mass historical ideas.	114
<i>Kachkina T. B.</i> Ulyanovsk – Lenin's motherland: from an ideological symbol to a tourist brand (to the problem of a place identity).	118
RETROSPECTIVE	135
<i>Rusina O. V.</i> Historical knowledge as a factor of forming regional identity.	135
<i>Morozova D. F.</i> Formation of the regional identity by Ulyanovsk historians.	139
<i>Fokeyev S. N.</i> International ties of the Ulyanovsk region: official delegations of the Lenin's anniversary epoch	142
<i>Lunin D. I.</i> Development of motorsport at Ulyanovsk Automobile Plant (UAP) in 1950–2014 years.	147
<i>Shafirov A. V.</i> The peasant farming Simbirsk province at the second half of the XIX – early of the XX centuries. Historiographic review.	151
<i>Ignatova L. V.</i> From the peasant to the collective farmer: transformation of peasants' identity in the territory of the Middle Volga region	161

<i>Gapsalov A. R.</i> «Economic miracle» of region: exemplified by the model of the Republic of Tatarstan.	167
MODERNITY	173
<i>Sidorova G. P.</i> Ulyanovsk – the cultural capital of the Volga region: a problem of understanding culture in the context of its identification.	173
<i>Lukicheva L. Yu.</i> The regional identity of a town: sociological analysis.	176
<i>Shapovalov S. N.</i> Synergy of the Russian-Chinese identity at the cultural business center «China World».	182
<i>Shagunova Yu. V.</i> The imposed identity crisis	188
PEOPLES AND RELIGIONS	192
<i>Kobzev A. V.</i> Classification of local settlements in the Simbirsk province in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries.	192
<i>Galindabayeva V. V.</i> Kryashen identity and designing of historical memory: ideas masses and elite versions.	197
<i>Shkerdina N. O.</i> The ethnoconfessional world of the Russian province of the first half of the XIX century (exemplified by the Mordovia land).	207
<i>Muftakhutdinova D. Sh.</i> New Muslim identity: who are they and what do they want to be?	215
<i>Shkerdina N. O.</i> Orthodoxy and heresies in the Mordovian region in the first half of the XIX century.	221
<i>Lyutov L. N.</i> Religious and moral foundation of the peasant resistance against the collectivization by peasants. Beginning of 1930 (Ulyanovsk district of the Middle Volga region).	231
VIEWPOINT	240
<i>Shigabetdinova G. M.</i> Culture of the personality's reflexive partnership in logic of meditative, socio-cultural changes: regional aspect.	240
<i>Parfyonova T. A.</i> The formation of regional identity among young people in educational space.	244
<i>Gatiatullina E. R., Minakova A. Yu., Ushakova K. A.</i> Historical and cultural, territorial, ethno-cultural and national research aspects of regional identity.	250
<i>Zhuravlyov V. M.</i> The model of a historical development of Russia as a exemple of a acceleration of the History.	254
ABSTRACT	262
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	282

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

VIII СЫТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

REGIONAL IDENTITY IN THE HISTORICAL AND CULTURAL SPACE OF RUSSIA

VIII SYTIN READINGS

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ ПАМЯТИ ИСТОРИКА С. Л. СЫТИНА
Ульяновск, 25–26 сентября 2014 г.

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE IN HONOUR OF THE HISTORIAN SERGEY SYTIN.
Ulyanovsk, September 25–26, 2014

ЧАСТЬ 1

PART I

Издательство
«Корпорация технологий продвижения».
432012, Россия, г. Ульяновск, ул. Державина, д. 9а, оф. 1.
Тел./факс: (8422) 38-79-08. E-mail: ktrbook@mail.ru.

Ответственная за выпуск Винник О.К.
Редактор-корректор Егоров К.В.
Художественный редактор Василькин Н.А.
Компьютерное обеспечение издания Долговой Т.Е.

Отпечатано с электронного файла издательства
в ОАО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.
Тираж 200 экз. Заказ №

Успенский – христианские ойконимы
(18) – кол-во староверов в приходе

